

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В.А. Семенов, Е.Л. Дунаева

Легендарная чудь: фантом или реальность

УДК 397

В статье исследуются легенды и иные свидетельства существования чуди, народа, не сохранившегося до наших дней ни в этническом, ни в языковом смысле. Отмечается, что чудь исчезла под напором русских переселенцев и соседних народов, сохранив свои следы в некоторых топонимах и мифологических образах. Для каждого народа Европейского Севера понятие «чудь» имеет разный смысл. Основным источником данных о языческой чуди являются легенды, сюжет которых посвящен исчезновению чуди в местах своего расселения в эпоху до христианизации населения.

Ключевые слова: чудь, коми, могильники, фольклор, этнология, мифология

V.A. Semenov, E.L. Dunaeva

Legendary chud: phantom or reality

The article investigates the following aspects. Chud has not remained as people, neither chud's traditions nor their language have been preserved till nowadays. Chud has disappeared among Russian newcomers and neighboring peoples. Only legends and names of rivers and lakes remind us of chud's tribes. For each people the notion «chud» has different sense. The main source of data about the pagan chud are legends, the plot of which is devoted to disappearance of chud from the place after converting the population to Christianity.

Keywords: Chud, Komi, cemeteries, folklore, ethnology, mythology

К середине VI века нашей эры относится первое упоминание о народах, обитавших на территории Вологодского края. Готский историк Иордан при перечислении народов севера Европы упоминает чудь, весь и мерю. По мнению исследователей, эти сведения Иордан взял из более раннего источника IV века, в котором описывался путь из Балтийского моря к Черному, проходивший тогда через Верхнюю Волгу [5, с. 6].

В древнерусских летописях название племени «чудь» впервые упоминается в XI веке, когда чудь платила дань Киевской Руси. «А се суть инии языци, иже дают дань Руси: Чудь, Меря, Весь, Муром, Черемис, Мордва, Пермь, Печора...» В той же летописи далее чудь вместе с мерей, весью,

кривичами и словенами упоминается в числе военных союзников Киевской Руси.

Чудь не сохранилась как народ, не оставив до наших дней ни обычаев своих, ни языка, чудь растворилась бесследно среди русских пришельцев и соседних народов. О чудских племенах напоминают только легенды, предания и названия, данные когда-то рекам и озерам, среди которых они жили.

Понятию «чудь» каждый народ придает свой смысл. Саами чудью называют некий враждебный народ, ненцы – какие-то мифические существа, предсказывающие смерть того или иного человека, как коми-зырянские урӧс [7, с. 25]. Коми-пермяки, кроме чуди-великанов и чуди-язычников, различают еще чудов, легендарный народ маленького роста: «чудские-то были один народ, а чуды – другой... чуды-то ведь мелкие люди», «чуды, говорят, как люди, только черноволосые и с поросычьими ногами». Как обычные люди, они едят, пьют, парятся в банях, веселятся, женятся, держат скот, ездят на лошадях. В то же время они невидимы, всячески вредят людям, и от их присутствия можно избавиться только с помощью молитвы и креста. Таким образом, чуды коми-пермяков взяли на себя функции различных мифологических существ: банников, овинников, домовых; их даже дифференцируют по месту их обитания: баня-чуд, овин-чуд и т. п. Иногда они характеризуются как чисто сказочные персонажи. В сказках-анекдотах широко распространен сюжет о глупых пошехонцах, которые во время жатвы принимают серп за червя и топят его. Так же поступают с серпом чуды. Чуды коми-пермяцких легенд – собирательный образ, в котором воплотились свойства многих персонажей, известных в фольклоре и других народов, но в других жанрах, под другими именами и действующими лицами [4, с. 11].

Общим для коми-зырян и коми-пермяков следует считать образ чуди как предков-язычников. Основным источником сведений о языческой чуди являются предания, сюжеты которых строятся вокруг мотива исчезновения чуди из данной местности после христианизации населения. Принявшие православную веру становятся коми, тогда как некрещенные остаются чудью, которая: 1) погребает себя в ямах; 2) уходит с этой территории; 3) вступает в конфликты со Стефаном Пермским.

Предания о самопогребении чуди относятся к числу наиболее распространенных. Городища чуди находятся на холмах, зафиксированных в современной топонимике как «чудские»; имеются сведения и о чудских озерах. Найденные в таких местах крупные кости коми-зыряне и коми-пермяки считают костями чудских богатырей. Жилищами чуди служат пещеры, чаще землянки или ямы, крыша которых держится на четырех столбах. Не желая принимать новую веру, герои преданий семьями захо-

дят в землянки и обрушивают на себя крыши, подрубив опорные столбы. Места самопогребения чуди называют чудскими ямами. В этих местах может «являться» чудь, здесь «чудится», поэтому чудские ямы считаются «нечистыми». Тем не менее еще в 20–30 гг. XX века на чудских могилах совершались обряды поминовения чуди коми-пермяками – «поминки по древним». С этими местами также связаны представления о кладях чуди, якобы могущих явиться здесь в образах различных животных.

Параллельно с преданиями о самопогребении чуди бытуют предания о чуди, убегающей от христианизации, вынужденной уходить. Коми-зыряне считают, что чудь ушла на север, где смешалась с ненцами и обскими уграми. Путь движения чуди обозначен топонимами, объясняющими обстоятельства миграции. Убегающая чудь не в состоянии унести с собой все золото и прячет его в заговоренных местах, а также на дне некоторых озер.

Отношение к языческой чуди амбивалентно. Чудь признаются непосредственными предками коми-зырян и коми-пермяков, однако язычество связывается с культурной отсталостью, дикостью. Чудь связана с «нечистотой», отсюда представления о происхождении чуди «от сатаны». Коми-пермяки, признавая чудь своими предками, все же утверждали, будто чудь – язычники, а коми-пермяки всегда были православными [1, с. 34].

Ямы, землянки, в которых якобы жила чудь, противопоставляются избам православных коми-пермяков. Некрещеную чудь не пускали в избы, поэтому чудь ночевала в банях, в хлевах, овинах и т. д. От этой чуди произошла нечистая сила: пывсян Чуд «банный Чуд», рыныш Чуд «овинный Чуд», гидня Чуд «Чуд хлева» и т. д. Чудь бродила по ночам, заглядывая в окна, поэтому коми-пермяки стали закрывать окна ставнями. Воинственная чудь ассоциируется также с этнически чужим населением или с разбойниками, совершающими набеги на деревни. Верховодит чудскими разбойниками колдун-атаман, убить которого можно только выстрелив хлебной пулей или медной пуговицей. Чудь – разбойники, они прячут награбленное золото в заговоренных местах в глубине леса, в колодцах. Окруженные со всех сторон, чуди-разбойники погребают себя вместе с золотом в ямах. Среди коми-пермяков бытовало также отождествление чуди со старообрядцами-раскольниками, жившими еще на памяти старшего поколения в лесных скитах. В целом коми предания о чуди входят в широкий ареал таких преданий у северных русских и некоторых их соседей, охватывающий территории Европейского Севера от Скандинавии до Урала. Южная граница ареала преданий проходит через Приладожье, северные и восточные районы Вологодской области и, минуя район Вятки, через Коми-Пермяцкий автономный округ. За Уралом, в Сибири предания о чуди получили распространение через переселенцев с Европейского Севера.

Кроме того, сохранилась память о мифологической чуди и в ряде географических названий. Как указывает А.К. Матвеев, топонимы, образованные от этнонима «чудь», больше тяготеют к юго-восточной половине Европейского Севера, а географические названия, производные от «само-ед», характерны для севера Архангельской области и оконтуривают зону хозяйственных интересов ненцев. Исследователь также отмечает, что наименования древних и средневековых племен и народов сплошь и рядом переносились на соседей. По существу, недифференцирующим стал широко распространенный на Севере этноним «чудь» (ср. названия типа Чудская Стена – каменная гряда в р. Устья и т. п.), закрепившийся за всем до-русским населением. Однако некоторые из предшествующих русским племен отличали себя от чуди (ср. название мыса Чудьнема ‘Чудской мыс’ в прибалтийско-финской топонимии верхней Пинеги; топоформант *нема* ‘мыс’ сопоставляется с финским *niemi*, карельским *niemi*, вепсским *pet* ‘мыс’). По-видимому, и средневековое русское население Севера различало чудь и лопь, чудь и карел и т. п. Этнотопонимический ареал *чудь* на Севере позволяет видеть в ней древнее северно-финское население и, возможно, историческую Чудь Заволочскую. Поэтому, считая этноним «чудь» недифференцирующим, приходится признать, что этнотопонимы, образованные от чудь, по крайней мере в некоторых районах Севера, сохранили свои исторические этнодифференцирующие свойства, реализуемые в ареальных оппозициях [3, с. 5–11].

Изучением семантики и функционирования этнонима «чудь» занимался целый ряд ученых: Р.А. Агеева, Д.В. Бубрих, Д.К. Зеленин, Л.П. Лашук, А.К. Матвеев, И.И. Муллонен, В.В. Пименов, А.И. Попов, Е.А. Рябинин и другие в России [6, с. 19].

Как отмечает П.Ф. Лимеров, объектом специального исследования чудские предания становятся только во второй половине XIX в., начиная с работы П.С. Ефименко «Заволочская Чудь». Это была первая попытка научного описания наиболее общих характеристик преданий. Затем следует почти столетний перерыв, и только в 1965 г. эта проблема получила освещение в научных исследованиях. В монографии В.В. Пименова «Вепсы» чуди посвящена большая глава, где было впервые дано описание основных сюжетов чудских преданий. В 1969 г. в виде своеобразного отклика на работу В.В. Пименова была опубликована статья Л.П. Лашука «Чудь историческая, чудь легендарная». По мнению исследователя, распространенность исторических сведений и преданий о чуди на огромных территориях ставит под сомнение вопрос о принадлежности чуди к одному конкретному (вепсскому, как полагает В.В. Пименов) этносу. Хотя статья Л.П. Лашука находилась в русле исторических исследований, но она представляет интерес с точки зрения сопоставления письменных источни-

ков и преданий. Здесь, видимо, впервые имеются ссылки на материалы коми фольклора.

Большой интерес вызывает анализ преданий о чуди Л.С. Грибовой. Так, в 1964 г. вышла ее статья «Культ древних у коми-пермяков», а также написанная в 1962 г., но не опубликованная статья «Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям». На данный момент она хранится в архиве Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Статья Л.С. Грибовой посвящена религиозно-мифологическим представлениям о чуди в системе верований коми-пермяков. В таком аспекте проблема чуди до Л.С. Грибовой не рассматривалась. Л.С. Грибова предлагает классификацию преданий, снабжая каждую рубрику классификации до этого неизвестными фольклорными коми-пермяцкими материалами. По ее выводам, чудь является «дофеодальным», дохристианским народом коми. Генезис этих преданий связывается с изменениями, буквально – «со скачком», в культурной и хозяйственной жизни средневековых коми, в частности, в связи с изменениями в сельскохозяйственном производстве и смене языческой религии христианской. Основные положения этой статьи в дальнейшем Л.С. Грибова включила в состав своей известной монографии «Пермский звериный стиль».

Важной вехой в фольклористике, в том числе и в исследованиях проблемы чуди, стала публикация в 1971 г. первого научного сборника коми-пермяцкой устной прозы, подготовленного М.Н. Ожеговой. Ценность его в том, что впервые были опубликованы коми материалы о чуди.

Надо сказать, что коми-зырянские тексты вышли только спустя тринадцать лет [4, с. 11], поэтому они долгое время не учитывались в научных исследованиях. К примеру, в «Указателе мотивов преданий о чуди на Европейском Севере» Ю.Н. Смирнова коми-зырянские тексты почти не представлены. В 1985 г. отдельной книжкой вышел доклад Ю.Г. Рочева «Национальная специфика коми преданий о чуди». Автор впервые определил специфику преданий о чуди на коми-зырянском материале и предложил их классификацию в соответствии с регионами обитания разных этнических групп коми. В частности, исследователь приходит к выводу о том, что: 1) тексты о самопогребении чуди распространены в центрах расселения древних коми (пермян вычегодских) – на Выми, нижней Вычегде, средней Сысоле; 2) тексты о самопогребении чуди и тексты о чуди, убегающей от крещения, – на Вашке, Вишере, Верхней Вычегде; 3) тексты о воинственной чуди представляют собой редкие сюжеты, зафиксированные на Мезени и средней Вычегде; 4) тексты о демонизированной чуди – на территории позднейшего расселения коми. По мнению Ю.Г. Рочева, предания о чуди прошли три стадии развития. Первая стадия связывается с неким *до-коми населением*, «глухие реминисценции» о встрече с которым

сохранились в виде преданий о воинственной чуди. Вторая стадия связана с событиями христианизации, воспоминания о которой трансформировались в предания о самозахоронениях чуди и о чуди убегающей. На третьей стадии эволюции преданий постепенно сливаются рассказы о чуди с преданиями о разбойниках, с быличками, в которых чудь приобретает черты персонажей низшей мифологии. Рочев ссылается на работы Н.А. Криничной «Предания об аборигенах края», «Русская народная историческая проза», где она рассматривает предания о чуди в более широком контексте преданий об аборигенах края, привлекая к сравнительному анализу материалы фольклора не только североевропейских, но и северосибирских народов. Всесторонне проанализировав образ чуди, Н.А. Криничная приходит к выводу, что на генезис образа существенным образом оказали влияние универсальные мифологические представления об аборигенах края, наделяющие этих персонажей совокупностью мифологических признаков, таких как карликовость, гигантизм, зооморфность, терратоморфность и т.п. Соотнесенность этих признаков с образом чуди, т. е. *до-русского населения Севера*, вызывает своеобразный «эффект отчуждения» рассказчиков преданий от аборигенов – чуди, благодаря которому чудь в русских преданиях всегда показана в образе врага. В связи с этим исследователь выделяет мотив вражды аборигенов с пришельцами, который лежит в основе преданий о нападениях белоглазой чуди на русских поселенцев. Другой мотив – исчезновение аборигенов из конкретной местности – включает две версии: 1) мотив самопогребения чуди, 2) мотив вытеснения чуди с данной территории или ассимиляции чуди пришлым населением [2, с. 81–83].

В отличие от трактовки чуди как народа исторического (чудь-инородцы, чудь-предки, чудь-язычники) или образов исторических преданий и быличных образов, П.Ф. Лимеров рассматривает чудь в основном с мифологической точки зрения: чудь как мифологические до-люди или пред-люди, чудь – как мифологические хтонические существа. Эти аспекты рассматриваются в исследованиях «Коми несказочная проза», «Мифология загробного мира», а также в диссертации «Генезис и динамика мифологических образов».

Надо отметить, что проблема чуди является объектом исследований не только отечественной истории и фольклористики, но также и археологии, а в последнее время и лингвистики. Разумеется, каждая из этих дисциплин видит проблему по-своему, в зависимости от специфики самой дисциплины. Объединяет их то, что все они как бы стремятся решить вопрос этнической принадлежности чуди, привлекая для этого те или иные данные. В этой связи, конечно же, необходимо упомянуть работы археологов, прежде всего Э.А. Савельевой «Пермь Вычегодская. К вопросу происхождения

народа коми» и «Вымские могильники», а также работу Э.А. Савельевой и К.С. Королева «По следам легендарной чуди».

В контексте археологии примечательно, что существует ряд преданий, согласно которым «чудь» при появлении Стефана Пермского ушла в землю и сожгла себя. В народной традиции средневековые могильники, зачастую расположенные в окрестностях современных деревень, обозначаются как «чудь гу» (чудские ямы). В то же время ряд средневековых городищ, связанных с «чудской» проблематикой, несомненно, связаны с культурой Перми Вычегодской. Так, средневековое Пожегское городище, открытое еще в 20-х годах XX в. А.С. Сидоровым и исследованное в наше время Э.А. Савельевой и М.В. Кленовым, связано и с преданиями о «чуди». Материалы погребального обряда Перми Вычегодской (XI–XIV вв.) позволяют пролить свет и на загадочное самосожжение «чуди». Именно для этого периода было характерно трупосожжение. После христианизации края возобладало трупоположение, но память о предшествующих обрядах осталась. Несомненно, что большая часть фольклорных материалов связана с археологической вымской культурой и скрывающейся за ней Пермью Вычегодской [6, с. 113–115].

Фольклорные источники обобщены в работах «Историческая память в устных преданиях коми: материалы» (сост. и подгот. текстов М.А. Анкудинова, В.В. Филиппова) и Н.В. Дранниковой «Чудь в устной традиции народов Европейского Севера».

Предания о чуди бытуют на территории Европейского Севера от Скандинавии до Урала. Слово «чудь» в фольклоре северных народов имеет исторический и мифологический контексты. На данный момент собран обширный этнографический, краеведческий, археологический материал на территории Европейского Севера, однако до сих пор не существует обобщающего исследования мифологической «чуди» на данной территории, не проведено сравнение восприятия чуди на территории Республики Коми и Архангельской области.

Можно выделить основное отличие между преданиями о чуди на данных территориях. В народной традиции коми чудь – предки этого народа. В русской этнокультурной традиции чудь относят к аборигенному населению, жившему на территории Севера до прихода русских, в частности к различным финно-угорским народам.

В русских сказаниях обычным мотивом является вооруженная борьба между аборигенной чудью и пришлым русским населением, а также христианизация и этническое поглощение остатков разгромленной чуди. В коми же преданиях местная чудь отличалась от позднейших жителей своими дикими обычаями и неприятием христианства. Чудь в коми легендах выступает противником Стефана Пермского, но не самих коми.

Однако на территории Республики Коми и Архангельской области есть и ряд перекликающихся сюжетов преданий о чуди. Прежде всего, это мотив самопогребения чуди, гибели чуди вследствие массовых захоронений в ямах, а также мотив бегства чуди в леса, сюжеты о чудских кладах.

Примечательно, что на территории и Республики Коми и Архангельской области предания о мифологической чуди и «чудская» топонимия подтверждаются археологическими реалиями, зачастую на территории «чудских городищ» и «чудских ям» обнаруживают археологические памятники эпохи средневековья. В то же время, как отмечают исследователи, феномен массового самозахоронения этого народа археологические данные не подтверждают.

На территории Европейского Севера память о чуди сохранилась и в целом ряде географических названий, в топонимах, образованных от этнонима «чудь». На территориях Республики Коми и Архангельской области существует целый пласт преданий, связанных с чудью, рассказывающий о возникновении тех или иных географических названий, особенно ярко это проявляется в микротопонимике данных территорий.

В преданиях о чуди Европейского Севера «сохранилась» память об историческом прошлом северного региона. К сожалению, результаты фольклорно-этнографических экспедиций последних десяти лет в Архангельской области и Республике Коми указывают на то, что предания о чуди забываются, сохраняются лишь самые распространенные сюжеты – о «чудских кладах», «чудских ямах» и о самозахоронении этого народа. Чудь в таких преданиях чаще изображается уже не как этническая группа, а как некая категория людей или сверхъестественных существ.

Мифологизация образа чуди ярко отразилась в преданиях, где чудь отождествляется с нечистой силой, водяными, кикиморами, и, таким образом, можно утверждать, что чудь взяла на себя функции целого ряда мифологических существ. Постепенно чудь становится не некогда существовавшим народом, а неким собирательным образом, в котором воплощаются черты и свойства других персонажей, известных в фольклоре народов Европейского Севера.

Дальнейшее исследование мифологической «чуди» на территории Европейского Севера имеет перспективы, возможен пересмотр уже известного корпуса источников, введение новых материалов, собранных в последние десятилетия, появление новых интерпретаций, проведение более детального сравнения легенд и преданий различных территорий.

2. Лимеров П.Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2009. № 63. С. 81–83.
3. Матвеев А.К. Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении севера европейской части России // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2004. № 33. С. 5-11.
4. Рочев Ю. Г. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.
5. Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990.
6. Семенов В.А., Несанелис Д.А. Литературный этюд (рыт пукалом) Питирима Сорокина в этнологическом контексте // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 3. Сыктывкар, 2008.
7. Сидоров А.С. Идеология древнего населения Коми края // ТИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 13: Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.
8. Чудь в устной традиции Архангельского Севера / ред. Н.В. Дранникова. Архангельск, 2008.